

О.А. ВОРОНИНА

Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе

Истоки возникновения нового научного направления на Западе

Решающую роль в появлении принципиально новой научной парадигмы в исследованиях пола - я имею в виду гендерную теорию - сыграл феминизм. Появление феминизма имманентно самой патриархальной культуре, поместившей половину человечества за границы, вне рамок этой культуры, как бы в культурное зеркальце, и обусловлено определенными социальными и интеллектуальными предпосылками.

Социальные предпосылки феминизма проявляются в секуляризации общества и сломе его феодально-сословной организации, в развитии индустриальной цивилизации, вовлечении женщин в работу по найму, что создает предпосылки для принципиального превращения женщин в собственника - по крайней мере своих рабочих рук, которые она может независимо от воли мужа или отца самостоятельно продавать на рынке труда за денежное вознаграждение.

Интеллектуальными предпосылками феминизма были различные критические в отношении общества теории, социально-философские и политические концепции XVIII-XX веков. В этой связи стоит упомянуть, во-первых, либеральную философию Д. Локка, Ж.-Ж. Руссо и Дж.С. Милля, в рамках которой развивались основы теории прав человека. Во-вторых, это теории утопического социализма Ш. Фурье, К.А. Сен-Симона и Р. Оуэна (в частности, именно первому из них принадлежит и изобретение термина "феминизм", и обычно неверно приписываемое Марксу высказывание о том, что "социальное положение женщины является мерилом общественного прогресса"). И, наконец, различные по своему содержанию и направленности теории, в которых сексуальность человека впервые начала рассматриваться в социальном и политическом контекстах (я имею в виду работы Э. Хавелока, З. Фрейда, В. Райха, М. Мид, Г. Маркузе и других представителей Франкфуртской школы, а также некоторые работы М. Фуко, Ж. Дерриды и Ж.-Ф. Лиотара).

Сегодня феминизм - это прежде всего альтернативная философская концепция социокультурного развития. Однако в течение довольно длительного периода он существовал как идеология равноправия женщин и как социально-политическое движение. Эти два аспекта феминизма чрезвычайно важны для становления его теории: именно в поисках ответов на реальные вопросы, касающиеся статуса женщин в обществе, теоретики феминизма, не удовлетворенные традиционной социальной наукой, стали формулировать и свои теоретические претензии к традиционному западному знанию, и новые теоретико-методологические подходы к анализу культуры.

Воронина Ольга Александровна - кандидат философских наук, директор Московского центра гендерных исследований (МЦГИ).

**"Женские исследования" (*women's studies*)
как феминистский вызов традиционной науке**

Массовость, критичность и нарастающая теоретичность феминистских работ в 80-е годы привели к тому, что женщины - исследователи и преподаватели социальных и гуманитарных наук на Западе стали активнее заниматься изучением женской темы. Так, в начале 70-х годов в американских университетах возникли так называемые *women's studies*, в рамках которых женщины изучали и переосмысливали опыт женщин. "Женские исследования" возникли, когда стало очевидным, что, в сущности, социальные и гуманитарные науки под видом изучения человека вообще, т.е. *homo sapiens*, изучают исключительно мужчин. Женские исследования как раз и были ориентированы на изучение женского культурного Зазеркалья, причем здесь использовались самые разные методы: исповедь, групповая дискуссия, глубинные интервью (на анализе трехсот таких интервью написана книга Б. Фридан "Мистика женственности"), вторичный анализ материалов этнографических исследований.

Параллельно этому развивалась феминистская критика традиционной западной науки. Феминистская критика науки касается прежде всего андроцентризма и маскулинизма, характерных для нее, а также социальных последствий этого. Маскулинный характер науки обнаруживается во многих явлениях. Стоит прежде всего обратить внимание на то, что определение самой науки дается через использование маскулинных атрибутов: объективности, рациональности, строгости, имперсональности, свободы от ценностного влияния. Но главное, в чем выражается маскулинизм европейской науки - это характер производства знаний. Отвергая те способы познания, которые традиционно ассоциируются с феминными (интуицию, чувственное познание), или те виды опыта, которые обычно определяются как не мужские, наука отворачивается от многих иных способов познания мира. Андроцентризм науки выражается, как показала феминистская ревизия научных исследований, и в том, что объектами изучения традиционно являются мужчины и маскулинное. Так, например, биология, антропология, медицина и психология долгое время изучали под видом "человека вообще" мужчину. Другой, не менее любопытный пример: традиционные исторические исследования касаются, как правило, событий "большой" (мужской) истории - войн, битв, революций, смены династий; а повседневная жизнь людей, считающаяся сферой деятельности женщин, редко оказывается в поле зрения исследователей. Женщины, таким образом, оказываются "спрятанными" от Истории, но и сама История оказывается достаточно односторонней. Даже "иерархия наук" носит маскулинный характер: более престижными и уважаемыми считаются "строгие" науки, вроде математики или физики, менее уважаемыми и "солидными" - "феминные", вроде литературоведения.

В целом, общая критика современной науки с позиций феминизма совпадает с основными моментами других критических в отношении европейской науки философскими, историко-культурными и методологическими концепциями. Феминистские аргументы, доказывающие дегуманизацию научного знания или фальшь тезиса о социокультурной "нейтральности" науки, также во многом пересекаются с аналогичными аргументами современных социологов науки.

Можно заметить сходство между феминистскими представлениями о современной науке как о практически полностью маскулинизированной сфере и некоторыми концепциями науки, разрабатываемыми эпистемологами развивающихся стран Азии и Африки, которые обнаруживают в европейской науке следы расизма, буржуазности, евроцентризма. Например, Р. Минз указывает на беспочвенность притязаний европейской науки на обладание исключительным правом выступать от имени науки в целом, науки как таковой. Дело в том, подчеркивает он, что идеология, свойственная европейской науке и состоящая в оценке успешности познания (по степени овладения природными силами и ресурсами), в настоящее время обнаруживает свое явное банкротство, тогда как культуры американских индейцев и некоторых других народов

нацелены на гармонизацию отношений человека и природы, на процессы воспроизводства земных ресурсов во имя жизни будущих поколений. Дж. Нидэм подчеркивает ограниченность европейской картезианской науки по сравнению, например, с восточной медициной, несводимой к уровню примитивных физиологических обобщений и основанных на них технических приемов [1].

Феминистки отнюдь не собираются создавать "женскую" науку или философию. Речь идет о разработке феминистской перспективы в системе научного и теоретического знания. Феминистская критика науки показывает, как происходит внедрение системы господства и подчинения, воспроизводящих гендерную асимметрию и дискриминацию, в область производства и структуру знаний о мире.

Институционализация женских исследований в университетах привела к значительному увеличению исследований в этой области, появились требования более систематично относиться к феминистской теории, сделать более ясным методологический подход к основным понятиям феминистской теории. Немалую роль в этом сыграли многочисленные дискуссии по ключевым проблемам и понятиям феминизма, а также взаимная критика и самокритика разных концепций феминизма.

Гендерная теория: основные понятия и направления

80-е годы характеризуются новой фазой в развитии женских исследований. Начинается переход от анализа патриархата и специфического женского опыта к анализу гендерной системы. Женские исследования постепенно перерастают в гендерные, где на первый план выдвигаются подходы, согласно которым все аспекты человеческого общества, культуры и взаимоотношений являются гендерными. Наблюдается постепенное смещение акцентов: от анализа женского фактора и констатации мужского доминирования к анализу того, как гендер присутствует, конструируется и воспроизводится во всех социальных процессах и как это влияет на женщин и мужчин.

Дифференциация понятий пола и гендера означала выход на новый теоретический уровень. Впервые различие понятий "пол" и "гендер" было обозначено психологом Р. Столлером в 1968 году. Позже (1972 год) эту идею поддержали феминистские антропологи. Изучая различные общества, они обнаружили значительную разницу в понимании мужских и женских ролей, позиций, черт характера, короче, в понимании того, что есть мужчина и женщина в том или ином обществе. Впервые на это обратила внимание в середине века М. Мид. В 1972 году появляется ставшая довольно быстро знаменитой книга "Женщина, культура и общество", вышедшая под редакцией М. Розальдо и Л. Ламфере. Статья Ш. Ортнер "Соотносится ли женское с мужским так же, как природное с культурным?" [2] в последующем вызвала бурные дискуссии. В этой работе отмечается тот универсальный факт, что репродуктивная роль женщин не учитывается при определении ее социального статуса в обществе и что женщины вытеснены из сферы социального в сферу приватного, потому что они ассоциируются с природным, а не социальным.

Пожалуй, одной из первых работ, в которой появилось довольно четко проговоренное различие понятий "пол" и "гендер", стала работа Г. Рабин. Используя методы психоанализа и структурной антропологии, Рабин изучала символическое значение факта обмена женщинами между мужчинами в так называемых примитивных обществах. В результате она пришла к выводу, что именно обмен женщинами между племенами воспроизводит мужскую власть и структуру гендерной идентичности, при которых женщины оцениваются как биологические существа и относятся исключительно к семейной сфере. На основе этого конструируется "...пологендерная система как набор соглашений" [3]. Другими словами, гендерная система, которая конструирует два пола как различные, неравные и даже взаимодополняющие, является фактически системой *власти* и доминирования, цель которой - концентрация материального и символического капитала в руках отцов.

Далее следует упомянуть работу психолога Р. Унгер "О редефиниции понятий пол и гендер", где она предложила использовать слово *sex* только по отношению к специальным биологическим аспектам человека, а термин "гендер" только при обсуждении социальных, культурных и психологических аспектов, которые относятся к чертам, нормам, стереотипам, ролям, считающимся типичными и желаемыми для тех, кого общество определяет как женщин или мужчин.

Следующей важной для становления гендерной теории работой была книга А. Рич "Материнство как опыт и институт" [4]. Я хотела бы в целях нашего исследования выделить здесь только одну из идей, почерпнутую ею из анализа работ "черных феминисток (*black feminists*)". Я имею в виду идею о том, что *гендер не является монолитной категорией*, которая делает всех женщин одними и теми же, но, скорее, обозначает *позицию субординации* (т.е. гендер - категория социальной стратификации). В результате Рич приходит к выводу о том, что гендер - своеобразная система, взаимосвязанная с другими властными (стратификационными) категориями. Таким образом, гендер у нее становится частью сложной сети властных компонентов.

В 80-е и 90-е годы гендерные исследования стали достаточно распространенными. Однако как понимание и использование самого понятия "гендер", так и применяемые в ходе исследований методы весьма различны. В целом я выделяю три основные теории гендера: 1) теория социального конструирования гендера; 2) гендер как стратификационная категория; 3) гендер как культурная метафора. И одну ложную.

Начнем с конца.

Гендер как социально-демографическая категория, или ложная теория гендера.

Ложной гендерной теорией я называю использование этого понятия как традиционной социодемографической категории (социополовой роли), или проведение под видом гендерных исследований положения женщин и детей. Восприятие гендера как социополовой роли характерно для социально-экономических исследований, авторы которых не хотят отставать от современных идей. На мой взгляд, этот подход является комбинацией идей традиционной социологии пола с идеями, обсуждавшимися в феминистских работах и *women's studies*. В рамках этого подхода, с одной стороны, различаются пол как биологический факт и гендер как социальная конструкция; с другой - наличие двух противоположных "гендеров" принимается как данность. При этом считается, что "природа" мужчин и женщин различна настолько, что их можно разнести по разным социальным (социополовым) категориям.

Гендер как социальная конструкция/теория социального конструирования гендера. В рамках этого подхода гендер понимается как организованная модель социальных отношений между женщинами и мужчинами, конструируемая основными институтами общества. Этот подход основан на двух постулатах: 1) гендер конструируется посредством социализации, разделения труда, системой гендерных ролей, семьей, средствами массовой информации; 2) гендер строится и самими индивидами - на уровне их сознания (т.е. гендерной идентификации), принятия заданных обществом норм и подстраивания под них (в одежде, внешности, манере поведения и т.д.). Здесь следует упомянуть работы Э. Гофмана, Г. Гарфинкеля, К. Уэста и Д. Зиммермана [5].

Делать гендер - означает создавать такие различия между мальчиками и девочками, мужчинами и женщинами, которые не являются естественными, сущностными или биологическими. Гендерная принадлежность индивида проявляется в том, что человек *делает* и делает постоянно в процессе взаимодействия с другими людьми.

Когда социальное производство гендера становится предметом исследования, обычно рассматривают, как гендер конструируется через институты социализации, разделения труда, через культуру (гендерные роли и стереотипы, масс-медиа), проблемы гендерной стратификации и неравенства.

Гендер как сеть, структура или процесс, т.е. гендер как стратификационная категория в совокупности (сети) других стратификационных категорий. Гендер, иерархизирующий социальные отношения и роли между мужчинами и женщинами, - категория стратификационная. Но помимо гендера, такими категориями являются класс, раса, возраст. Американская исследовательница Дж. Скотт одной из первых предложила рассматривать гендер в ряду этих категорий.

Французская постмодернистская феминистка Т. де Лауретис считает, что гендер - комплексный механизм или технология, которая определяет субъект как мужской или женский в процессе нормативности и регулирования того, кем должен стать человек в соответствии с ожиданиями, предъявляемыми ему обществом. Процесс конструирования гендерной идентичности протекает во взаимодействии с другими нормативными переменными, такими как раса и класс, в ходе чего производится властная система. Иначе говоря, Лауретис считает гендер процессом, который конструирует социально-нормативный субъект через построение различий по полу, связанных в свою очередь с расовыми, этническими, социальными различиями.

Гендер как культурная метафора. Помимо биологического и социального аспектов в анализе проблемы пола, феминистки обнаружили и третий, символический, или собственно культурный его аспект. Мужское и женское на онтологическом и гносеологическом уровнях существуют как элементы культурно-символических рядов: *мужское - рациональное — духовное - божественное - {...} - культурное; женское - чувственное - телесное - греховное — (...) — природное.*

В отличие от первого - биологического - аспекта пола, в двух других его аспектах - социальном и культурно-символическом - содержатся неявные ценностные ориентации и установки, сформированные таким образом, что все, определяемое как "мужское" или отождествляемое с ним, считается позитивным, значимым и доминирующим, а определяемое как "женское" - негативным, вторичным и субординируемым. Это проявляется не только в том, что собственно мужчина и мужские предикаты являются доминирующими в обществе. Многие не связанные с полом феномены и понятия (природа и культура, чувственность и рациональность, божественное и земное и т.д.) через существующий культурно-символический ряд отождествляется с "мужским" или "женским". Таким образом создается иерархия, соподчинение внутри уже этих - внеполовых - пар понятий. При этом многие явления и понятия приобретают "половую" (или, правильнее сказать, гендерную) окраску.

Вместе с тем врожденность мужского и женского как онтологических начал (т.е. первичных бытийных принципов) в систему других базовых категорий трансформирует и их собственный, первоначально природно-биологический смысл. Пол становится культурной метафорой, которая, как отмечает Э. Фи, "...передает отношение между духом и природой. Дух - мужчина, природа - женщина, а познание возникло как некий агрессивный акт обладания; пассивная природа подвергается вопрошанию, раскрытию, человек проникает в ее глубины и подчиняет себе. Приравнение человека к познающему духу в его мужском воплощении, а природы - к женщине с ее подчиненным положением было и остается непрерывной темой западной культуры" [6].

Так, метафора пола выполняет роль культурного символа и, следовательно, выступает как культурно-формирующий фактор. Иными словами, гендерная асимметрия фигурирует как один из основных факторов формирования традиционной западной культуры, понимаемой как система производства знания о мире.

Суммируя сказанное, можно констатировать, что понятие "гендер" отражает, в сущности, и сложный социокультурный процесс конструирования обществом различий в мужских и женских ролях, поведении, ментальных и эмоциональных характеристиках, и сам результат - социальный конструкт гендера [7]. Важным элементом конституирования гендерных различий является их поляризация и иерархическое соподчинение, при котором маскулинное автоматически маркируется как приоритетное и доминирующее, а феминное - как вторичное и подчиненное.

Нетрадиционность методологии и ее использование в современном социальном и гуманитарном знании

Вычленение категории гендера и возникновение гендерных исследований открыли новые аналитические возможности для феминистского исследования общества и культуры. Оппозиция мужского и женского утрачивает биологические черты, а акцент переносится с критики в адрес мужчин и их шовинизма на раскрытие внутренних механизмов формирования западной культуры.

Гендерный подход в социальном и гуманитарном знании открывает широкие возможности для переосмысления культуры. Теория социального конструирования гендера и понимание его как стратификационной категории, взаимосвязанной с категориями расы, класса и возраста, больше используются в социальных науках - социологии, психологии, экономике и демографии. Гендер как культурная метафора, теория деконструкции гендера - в основном в гуманитарных науках: философии, истории, литературоведении, культурологии. Современная гендерная теория не пытается оспорить различия между женщинами и мужчинами, полагая, что не так важен сам факт различий, как их социокультурная оценка и интерпретация, а также построение властной системы на основе этих различий.

Таким образом, *основой методологии гендерных исследований является не просто описание разницы в статусах, ролях и иных аспектах жизни мужчин и женщин, но анализ власти и доминирования, утверждаемых в обществе через гендерные роли и отношения.* Гендерные роли определяют отношения мужчины и женщины через категории доминирования и власти. Гендерные исследования рассматривают, какие роли, нормы, ценности общество через системы социализации, разделения труда, культурные символы предписывает исполнять женщинам и мужчинам, чтобы выстроить традиционную (патриархальную) иерархию власти.

Перспективы развития гендерных исследований в России

Социальная, экономическая и интеллектуальная история России значительно отличается от европейской истории. В России только в конце XIX века отказались от крепостного права, развитие промышленного общества датируется началом XX века, а секуляризация общества прошла не интеллектуальным (как в Европе), а насильственным способом после революции 1917 года.

Тема пола впервые стала активно обсуждаться в русской философской мысли в середине XIX века. Наиболее интересны для нас славянофильская концепция пола А. Хомякова (1804-1860), рационалистическая философия пола Н. Чернышевского (1828-1889) и религиозная философия пола.

Традиционная русская философская мысль развивалась под сильным влиянием православия. Но с середины XIX века четко обозначилось разделение на так называемых "западников" и "славянофилов". Первые акцентировали необходимость социальных преобразований в России (в частности, секуляризации общества и развития правовых институтов). Вторые настаивали на "самобытности России" и гибельности для нее следования по "западному" пути развития. Западники поддерживали идеи эмансипации женщин и приводили политико-правовую аргументацию (весьма непопулярную в то время в России). Славянофилы резко протестовали, апеллируя к самобытным русским ценностям (к религии и патриархальной семье).

Так, для одного из лидеров славянофильства Хомякова половая разделенность человечества есть историческая данность и воля Бога. Семья - это божественно санкционированный союз полов (*sexes*) для преодоления полового антагонизма, в котором "сердце женщины" облагораживает "ум мужчины". Однако высокая оценка, которую Хомяков дает женщинам, отнюдь не мешает ему интерпретировать эмансипацию как право женщины на разврат наравне с мужчинами, что приведет к глу-

бокой деградации всего общества. Полемизируя с Жорж Санд, он оценивает эмансипацию женщин как ведущую к "войне полов". Только дети и семья могут быть, по Хомякову, священной защитой, которая "спасет слабость женщины от буйной энергии мужского превосходства" [8]. Очевидно, что взгляды Хомякова вполне традиционны: пол трактуется им в чисто биологическом смысле, а половая дифференциация, антагонизм и подчинение женщины - как "природная" и "божественная" данность.

Секулярная рационалистическая философия пола представлена работами философа-социалиста Чернышевского. Для Чернышевского природная данность половой разделенности людей на женщин и мужчин - "проклятие" человека, фундаментальная предпосылка истории человечества как истории несправедливости. Он полагал, что доминирование сильного мужчины над слабой женщиной - источник всех остальных форм угнетения, подавления и эксплуатации. Отрицая восприятие семьи как религиозного (духовного) таинства, он оценивал ее как форму подавления личности женщины. Поэтому считал необходимым "радикальное преобразование отношений полов между собой, а также и всего порядка общества" [9]. Вариант такого преобразования общества, основанный на сочетании идей французского утопического социализма и философии "здорового эгоизма" немецкого философа Л. Фейербаха, Чернышевский предлагал в своем романе "Что делать". Излагая в нем программу социалистического преобразования общества, автор подробно обсуждал и различные аспекты эмансипации женщин (важнейший из которых - экономическая независимость и избавление от семейного угнетения).

При всем своем позитивном социальном пафосе философия пола Чернышевского не сыграла значительной роли в развитии теории пола в России (хотя в некоторых идеях он намного опередил время).

На мой взгляд, успеху концепции Чернышевского в значительной степени препятствовали свойственный ей утопизм, настойчивое морализаторство, схематичность в решении проблем полового антагонизма. Автор не видел реальной драмы полового антагонизма. Финалом его теории стали идеи о том, что когда-нибудь на свете будут только "люди" - ни женщины, ни мужчины - и тогда они станут счастливы. Сегодня мы можем предположить, что Чернышевский имел в виду преодоление гендерных ролей и стереотипов, а не "биологическую отмену пола". Однако в то время эти идеи оценивались как сумасбродные.

Следующее направление, которое необходимо рассмотреть, это русская религиозная "философия пола" (в рамках которой развивались и "теология пола", и "философия любви"). Русскую религиозную "философию пола" представляют такие достаточно разные по своим взглядам мыслители, как философы В. Соловьев и В. Розанов, писатели Л. Толстой и Ф. Достоевский.

В своей "метафизике пола" Лев Толстой рассматривает его в связи с критикой цивилизации как извращения божественной правды и человеческого естества. Метафизическую причину извращенности мира он видит в чувственности, интерпретируемой им как прихоть и месть пораженной женщины. Рабство женщины, по его мнению, заключено в том, что "...люди желают и... пользуются ею, как орудием наслаждения" [10, с. 129]. За это женщина и "мстит" людям, ловя их в сети чувственности. "Половая, плотская любовь" препятствует, таким образом, достижению цели человеческой истории - единению людей во "благе, любви, добре", т.е. пол (половая любовь) интерпретируется Толстым как знак несовершенства человечества. Цель человеческой жизни обретается через преодоление пола, а торжеством всечеловеческой гармонии и любви является искоренение половой любви через целомудрие.

Мы видим, что такие понятия, как "пол", "чувственность", "сексуальные отношения", "моральное извращение", "зло" и "женщина" стоят у Толстого в одном ряду, они практически тождественны. В этом смысле его идея о преодолении зла через "преодоление пола" читается как идея о "преодолении женщины". Пол (зло) через

отождествление с женщиной делает ее злом, и наоборот: отождествление женщины с полом делает чувственность злом. «Миллионы людей, поколения рабов гибнут в каторжном труде на фабриках только для прихоти женщины, - пишет Толстой в "Крейцеровой сонате". - Женщины... держат в плену рабства и тяжелого труда девять десятых рода человеческого» [10, с. 17]. Понимая, что графа Толстого интересуют не политико-правовые проблемы, а "мораль" и судьба человечества, не могу не заметить, что в то время уже миллионы женщин, как рабы, трудились на фабриках. Неужели для своей прихоти?

Очевидно, что понятие пола относится Толстым только к женщинам (а не к "людям") и интерпретируется не просто как биологическое, а, скорее, как (а)моральное понятие. И поэтому его философия пола носит отчетливый отпечаток мизогинии.

Совершенно по-особому осмысливается проблема пола в иррационалистической "метафизике пола" Достоевского. В мире Достоевского постоянно происходит борьба между Христом и дьяволом, которая интерпретируется как искушение мужчины, его раздваивание между воплощенными в женщине "идеалом Мадонны" и "идеалом содомским". В романах Достоевского мысли, чувства и поступки героев определяются любовью-страстью, мистикой взаимного тяготения полов. Иррационалист Достоевский, в отличие от моралиста Толстого, не дает в своих романах готовых ответов на вопросы пола. Однако он более однозначен в своей историософии, где идея русского православного мессионизма соединяется с "метафизикой пола". Будущая Россия предстает у него в облике жены (Матери-Земли), как бы вторично рождающей Христа и спасающей его и мир от чудовища (дьявола).

Один из крупнейших философов России В. Соловьев (1853-1900) не остался равнодушным к теориям Толстого и Достоевского. Он не согласен с толстовской "безразличной божественностью среднего рода" и, напротив, поддерживает идею Достоевского о ценности половой любви. В ответ на "Крейцерову сонату" Толстого Соловьев пишет работу "Смысл любви", в которой и излагает основы своей теологии пола. Он называет половую любовь высшей и абсолютной ценностью человеческого бытия. Только такая любовь, по Соловьеву, может создать "истинного человека", потому что "истинный человек в полноте своей идеальной личности ... не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих" [11, с. 513]. Целостный человек Соловьева - это единство мужского и женского принципов, из которых первый (мужской) есть "субъект познающий и деятельный", т.е. "человек в собственном смысле", а второй (женский) - выступает в качестве "объекта познанного и пассивного" [12, с. 363]. Как видим, несмотря на необычность высокой оценки половой любви, в теологии пола Соловьева воспроизводится традиционная патриархатная логика бинарных оппозиций феминного и маскулинного.

В то же время Соловьев достаточно нетрадиционно использует половую символику в своем теологическом и онтологическом учении. Для Соловьева Бог - это безусловно Отец, Он, мужское начало (и это вполне традиционно). Но "душа мира" в духе средневековой мистики ассоциируется у него с образом Вечной Женственности, с Премудростью, с Софией.

Очевидно, что ассоциация феминного начала с мудростью - весьма нетрадиционна. Цель истории по Соловьеву - это достижение совершенства через единение человечества с Богом, которое достигается посредством божественной брачной мистерии. В этой мистерии участвуют три элемента: "обоготворенная природа" (женское начало), человеко-бог (мужское начало) и "душа мира" (Вечная Премудрость - София) [12, с. 335].

В России принято оценивать Соловьева как философа, воспевающего женственность. Однако нам очевидно, что в теологии и онтологии Соловьева мужское начало (Бог) имеет первостепенное значение, а женское начало (пусть даже и называемое Мудростью и душой мира) - вторичное и дополнительное.

Теология пола Соловьева во многом повлияла на формирование взглядов таких представителей русской религиозной философии, как Н. Бердяев (1874-1948), В. Розанов (1856-1919), П. Флоренский (1882-1943). Для них Бог также имеет "половую" окраску.

Для Бердяева, например, эротическая энергия - это источник не только творчества, но и религии. Он утверждал, что "настоящая религия, мистическая жизнь", связанная с половой полярностью, "всегда оргиастична", а "половая полярность есть основной закон жизни и, может быть, основа мира" [13].

П. Флоренский, С. Булгаков (1871-1944), И. Ильин (1882-1954) также определяли Бога через любовь. Но это не любовь-Эрос, а любовь-"caritas", т.е. сострадание, милосердие, жалость. Необычным здесь является определение Бога через качества, традиционно ассоциируемые с женским началом.

Как видим, в русской философии существовал весьма своеобразный подход к восприятию и оценке дифференциации маскулинного и феминного. Во-первых, в русской философии и теологии пола дифференциация мужского и женского начал рассматривается как метафизический или духовно-религиозный принцип; западная философия рассматривает такую дифференциацию, скорее, как онтологический или гносеологический принцип. Во-вторых, в русской философии подчас расставляются иные культурно-символические акценты: то, что в европейской философской традиции ассоциируется с маскулиным началом (божественное, духовное, истинное), в России и русской культуре ассоциируется - через категорию любви - с женским. Казалось бы, из этого можно сделать вывод, что в России феминное начало оценивается выше маскулинного. Но если вспомнить, что ни в одной из рассмотренных теорий феминное начало никогда не оценивается как равное маскулинному и самостоятельное, а всегда только как дополнительное, то становятся вполне очевидными глубинно патриархатные основы русской философии пола. И именно поэтому либералы Соловьев, Бердяев и Розанов (да и многие другие) считали женскую эмансипацию поверхностным политическим лозунгом, не имевшим ничего общего с реальной метафизикой пола. И, наконец, необходимо отметить, что представления о феминности (софийности) носят в иррационалистической русской философии пола крайне абстрактный характер. Это, скорее, аллегория, чем категория, скорее, моральное наставление, чем концепция.

Однако именно в силу своего аллегорического и морально-этического тона русская философия пола оказала значительное влияние на сохранение патриархатных взглядов и традиционной структуры гендерных ролей в России. Многие из их идей "просили" сквозь десятилетия советского режима и причудливым образом соединились с марксистской концепцией эмансипации женщин, ставшей на десятилетия государственной философией.

Для меня марксистская концепция эмансипации женщин - это своеобразная версия не философии, а политической (классовой) неопатриархатной идеологии. В этой идеологии женщины только по видимости играют роль субъекта действия. В реальности они - объект классового анализа и манипулирования. В соответствии с этой идеологией (изложенной в работах К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Бебеля, В. Ленина, А. Коллонтай) класс является основной категорией социального анализа. И пол, и гендер считаются не существенными: важнее - класс. Дифференциация мужских и женских социальных ролей считается обусловленной классовой структурой общества и социальными антагонизмами. Изменение этой ситуации и получение женщинами равенства с мужчинами возможно, с точки зрения марксистов, только после победы социалистической революции. Утверждается, что у женщин нет никаких своих, отдельных от мужчин интересов. Поэтому женщины должны выступать в роли "союзника и помощника мужчин" в их классовой борьбе (Ленин).

Социально позитивным содержанием своей концепции эмансипации марксисты и их последователи считают идею о том, что женщины (феминное) будут "подтягиваться" или приравняться к мужчинам (маскулинному). Однако с феминистской

точки зрения при такой "эмансипации" и "равенстве" мужчины опять выступают как "норма", женщины - как отклонение (Другое), которое, правда, когда-нибудь тоже сможет стать "нормой".

Хотя во всех рассмотренных нами теориях пола прошлого (от религиозно-мистических до атеистической) используется разная терминология и разные подходы, в сущности своей они очень схожи. Это теории, определяющие "мужское начало/мужской принцип" как доминирующее, а "женское начало/женский принцип" - как дополнительное. Правда, степень женской дополнительности может быть и очень высокой, но никогда не бывает выше или равной мужской. Такая интеллектуальная ситуация и отражает, и продуцирует глубинную патриархатность российского менталитета, в котором мир по-прежнему фатально разделен на систему бинарных оппозиций добра и зла, своих и чужих, мужчин и женщин.

Однако остается вопрос, почему же все-таки в стране, где более 80 лет было официально провозглашено равноправие женщин и мужчин, тем не менее сохранились очень жесткие социально-психологические модели феминности и маскулинности, правда, претерпевшие некоторые изменения. Я бы назвала эти модели неотредактированными, поскольку они являются своеобразной комбинацией традиционных и модернизистских ценностей: с одной стороны, для женщин допустимо иметь высокий уровень образования, профессиональной подготовки и даже сделать карьеру (если сможет). С другой стороны, любая женщина всегда должна помнить и демонстрировать окружающим принятие традиционной модели феминности (включающей женственность, приверженность семье, слабость, и главное - сознание вторичности своего бытия по сравнению с мужчинами).

Мне кажется, что хотя мы довольно часто констатируем это явление, тем не менее недостаточно его проанализировали. В качестве одного из вариантов объяснения сохранения патриархатной парадигмы на фоне как бы эгалитаристской идеологии приведем следующее рассуждение.

В силу определенных политических и идеологических причин в нашей стране после 1917 года возник и долгие годы существовал весьма специфический тип патриархата, при котором основным механизмом дискриминации женщин являлись не мужчины, а тоталитарное государство в целом. Отличительными его чертами было, с одной стороны, провозглашение идей эмансипации женщин и их равноправия с мужчинами, т.е., переводя это на язык гендерной теории, формальное утверждение гендерно нейтральной социокультурной системы. С другой стороны, в реальной жизни происходило явное утверждение маскулинистского типа сознания: усиливалось доминирование тех ценностей, которые в существующем ряду культурных символов ассоциируются с маскулинным началом (имеются в виду понятия силы, власти, рациональности, универсальности и т.д.). В каком-то смысле можно сказать, что крайним выражением маскулинизма является политический тоталитаризм. В одном из своих аспектов тоталитаризм - это безраздельное доминирование верховного, универсального, объективированного принципа (неважно, как он называется - бог, партия, государство, отец) над жизнью и сознанием подчиненных ему людей. И в этом смысле советский тоталитаризм - апофеоз реализации традиционного маскулинистского "права патриарха".

Смена инстанции власти (от мужчины - к государственной машине) потребовала и некоторых изменений в традиционных патриархатных структурах. Для того чтобы полнее господствовать над женщиной и женским началом, функциональнее использовать продуктивные и репродуктивные ресурсы женщин, тоталитарное советское государство-патриарх должно было "убрать" со своей дороги некоторое препятствие - мужчину, который до этого безраздельно распоряжался женщиной. Иными словами, необходимо было уничтожить легитимность мужской власти над женщиной, его юридических и экономических прав на нее и формально провозгласить их равноправие в неправовом государстве. Разумеется, такое отчуждение индивидуальных мужских прав на женщину в пользу государства не только не способствует

редукции патриархатных принципов социального устройства, но и - выводя на уровень макрополитики - усиливает их. Иными словами, в тоталитарном советском государстве на фоне формального гендерного равноправия происходило не просто сохранение, но и усиление маскулинистской парадигмы в сознании, что сопровождалось подавлением и агрессией ко всему, ассоциирующемуся с феминным. В рамках традиционной гендерной культуры (которую еще называют патриархатной, маскулинистской, андроцентристской) доминирующее маскулинное начало понимается как полярное по отношению к подавляемому феминному. Собственно говоря, понимание феминного начала как вторичного и выступает в этой культуре основанием утверждения первичности маскулинного начала.

Осознание отечественными учеными описанной ситуации осложнилось многими обстоятельствами, но, на мой взгляд, здесь прежде всего стоит упомянуть об одном из них. Я имею в виду терминологическую непроясненность понятий "равенство" и "равноправие", характерную для отечественных работ по данной теме. Ведь в то время, как на Западе уже сформировались идеи о необходимости различать понятия "пол" и "гендер" (70-е годы), в России слово "пол" употреблялось и тогда, когда речь шла о биологических его аспектах, и когда имелись в виду его социальные аспекты, и даже тогда, когда говорили лишь об элементе комнатного декора. Именно поэтому стало возможным появление вульгарных шуток, а также очень распространенного в течение нескольких десятилетий словосочетания "равенство полов", из которого масс-медиа да и многие так называемые "обществоведы" делали выводы о том, что нам грозит появление "бесполох" женщин и мужчин. А поскольку во всякой патриархатной культуре гендерная система является одним из основных механизмов общества, выполняя системоформирующую функцию, то половая и гендерная идентичность личности представляется основой мироощущения, отказ от которой часто немислим - идет ли речь об обыденном или научном сознании.

Десять лет назад в России о существовании такой области социального знания, как женские и гендерные исследования, знали буквально единицы - те социологи и гуманитарии, которые читали западную литературу в спецхранах ИНИОНа или Библиотеки иностранной литературы. Часть из них и сформировала в 1990 году Московский центр гендерных исследований, в названии которого впервые официально употреблялось это малознакомое понятие. Сегодня кроме МЦГИ существуют еще несколько центров женских и гендерных исследований. Более того, в нескольких университетах России систематически читаются курсы лекций по этой тематике.

Однако большинство исследователей в области социальных и гуманитарных наук, а также преподавателей университетов практически не знакомы с теорией и методологией гендерных исследований. Российские исследователи, как правило, продолжают работать в традиционном русле анализа "женского вопроса". Это означает, что такая важная область социального знания, как гендерные исследования, практически не известна и не используется как в собственно научных исследованиях, так и в практике социальных преобразований в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Feminist Approaches to Science*. New York, 1986. P. 50-51.
2. *Ortner Sh. Is Female to Male as Nature to Culture? // Women, Culture and Society*. Stanford (Cal), 1974.
3. *Ruhin G. The Traffic in Women: Notes on the "Political Economy" of Sex // Women, Culture and Society*. Stanford (Cal), 1974.
4. *Rich A. Of Women Born: Motherhood as Experience and Institutions*. W.W. Norton & Company. New York-London, 1986.
5. *Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера // Гендерные тетради*. Вып. I. Труды Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН. СПб., 1997.

6. *Fee E.* Critiques of Modern Science: the Relationship of Feminism to Other Radical Epistemologies // *Feminist Approaches to Science*. P. 44.
7. *Women's Studies Encyclopedia*. New York., 1991. P. 153.
8. *Хомяков А.С.* О старом и новом. М., 1988. С. 262.
9. *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. М., 1939. Т. 1. С. 401.
10. *Толстой Л.Н.* Собр. соч. М., 1985. Т. 11.
11. *Соловьев В.С.* Соч. В 2 т. М., 1988. Т. 2.
12. *Соловьев В.* Россия и вселенская церковь. М., 1911.
13. *Бердяев Н.* Письмо будущей жене Л.Ю. Рапп // *Эрос и личность. Философия пола и любви*. М., 1989. С. 15, 16.

© О. Воронина, 2000